

A-TSCHECHOW
DER
KIRSCHGARTEN

А.ЧЕХОВ
ВИШНЕВЫЙ
САД

A.ČECHOV
VIŠŇOVÝ
SAD

A.CZECHOW
SAD
WIŚNIOWY

A.CZEC
SA

CSEHOV.A
CSERESZNYÉSKERT

Пьесы А. П. Чехова идут с большим успехом не только в Советском Союзе, но и в зарубежных странах.

Рисунок Л. БРОДАТЫ

ЧЕХОВ: — Как, однако, разросся мой «Вишнёвый сад»!

К Р О К О Д И Л

№ 19 (1381) МОСКВА 10 ИЮЛЯ 1954

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXXIII

ЦЕНА: НОМЕРА — 1 р. 20 к.

Рисунок художников КУКРЫНИКСЫ к рассказу «Лошадиная фамилия».

Рисунок художников КУКРЫНИКСЫ к рассказу «Хирургия».

Свою статью о Чехове Горький закончил словами, давшими оценку и писателю и многим его героям:

«Мимо всей этой скучной, серой толпы бессильных людей прошел большой, умный, ко всему внимательный человек, посмотрел он на этих скучных жителей своей родины и с грустной улыбкой, тоном мягкого, но глубокого упрека, с безнадежной тоской на лице и в груди, красивым, искренним голосом сказал:

— Скверно вы живете, господа!»

Современная Чехову критика сближала писателя с его героями. Она называла его певцом хмурых людей, певцом сумерек, ходатаем за людей, покорно несших своё бремя или поднимающих глаза к небу в надежде увидеть там те алмазы, которыми была бедна земля.

Чехов не был в русской литературе защитником скучных, серых, хмурых людей, населявших города и веся, обременявших русскую землю, живших без серьёзного труда, без творчества, без созидания. Он ненавидел всяческую мертвечину — будь она в городской квартире профессора, состоявшего при казённой науке, или в окружённой вишнёвым садом усадьбе доживавшего свой исторический срок дворянства.

Внук крепостного крестьянина, прошедший суровую школу жизни, схожую с теми университетами, что выпали на долю его друга и собрата в русской литературе, на долю Горького, Чехов «по капле выдавливал из себя раба», свершил подлинный подвиг в борьбе за свободу человеческой личности, стал Человеком с большой буквы, стал богатырём духа и мысли. Художнику Репину он недаром «казался несокрушимым силачом по складу тела и души». Репин писал о Чехове: «Враг сентиментов и выспренних увлечений, он, казалось, держал себя в мундштуке холодной иронии и с удовольствием чувствовал на себе кольцу мужества».

Ненавидя всяческую мертвечину, Чехов искренне, горячо, полной мерой любил жизнь.

Чеховская любовь к жизни — активная, целеустремлённая, действенная. В ней нет «золотой середины», нет компромиссов. Такой была любовь к жизни у Пушкина, у Некрасова, у Щедрина, у Горького. Такой была любовь к жизни у каждого великого и благородного писателя земли русской.

На русской земле есть места, что дороги и близки каждому из нас. Есть Михайловское, бывшее приютом Пушкина. Есть Карабиха, где Некрасов встречался с крестьянами — героями его поэм. Есть Ясная Поляна, ставшая для Льва Толстого огромным окном в деревенскую Россию. И есть Мелихово — деревня под Москвой, где жил и работал Чехов и где им созданы многие выдающиеся произведения, давшие их творцу всероссийскую популярность и известность за пределами России.

Ничем не примечательная местность, где в пору расцвета своего могучего таланта поселился Чехов. Есть на земле русской места богаче, красивей, роскошней Мелихова и его окрестностей. Мы не найдём здесь ни рек, разливы которых подобны морям, ни гор, ушедших своими вершинами за облака, ни лесных громад, ни долин, восхищающих глаз просторами.

Суглинки и пески, болотца, лесок, в котором крестьянин нелегко находил дерево, могущее послужить оглоблей к дровням, узкие и извилистые просёлки, небольшие, разбросанные по краям оврагов деревушки — такова была местность, избранная Чеховым для своего постоянного местожительства в 90-х годах.

«Если я врач, то мне нужны больные и больница; если я литератор, то мне нужно жить среди народа...» — так определил Чехов необходимость своего переезда из столицы в деревню.

Когда Чехов пришёл в избу Прокофия Андриановича Симанова, крестьянин встретил его словами:

— Здравствуйте, барин!

Чехов ответил:

— Я не барин. Я доктор.

Три помещика — Сорохтин, Варенников, Кувшинников — владели угодьями возле Мелихова. Они не оставили никаких следов своего существования в округе, и ни один из здешних старожилов не вспоминает добрым словом духовных наследников тех крепостников, что были изображены в гоголевских «Мёртвых душах».

Жили-были. Ели-пили. Играли в карты. Плодились и размножались. Судились с мужиками из-за прогонов и выгонов, из-за потрав. С завистью и тоской вспоминали былые: Манилову и Ноздрёву, дескать, жилось лучше. Выписывали религиозно-нравственный журнал «Светоч» и газету «Биржевые ведомости». Толстого предавали анафеме и любили лирику Майкова и Фета.

Чехов пошёл не к этим лицам, гордо считавшим себя хозяевами и солью земли русской. Чехов пошёл к крестьянам. Он вошёл в деревенскую среду, сжился с её интересами. Он не был из числа тех интеллигентов, что «ходили в народ», ища в крестьян-

ском мире всё русское богатство и полагая, что деревенская община это есть святая святых. Чехов не наряжался ни в сермягу, ни в смазные сапоги, не подделывался под народный говор, не строил народу глазки и не кокетничал с ним. В Мелихове написаны реалистические деревенские повести и рассказы, среди них такое капитальное произведение, как «Мужики». В чеховских книгах дана яркая художественная летопись русской деревни в ту переходную пору, когда разорение крестьян капиталистическими хищниками достигло предела и когда буревестник первой русской революции готовился взлететь над океаном народной жизни.

Письменный стол Чехова, за которым были написаны «Мужики», «Палата № 6», «Соседи», «Бабье царство», «Чёрный монах», «Три года», «Дом с мезонином», «Чайка», «Дядя Ваня», стоял в узенькой комнате флигеля, у окна. Окно было небольшое, но из него пишущий видел не только Мелихово — всю Россию видел он.

«У Антона Павловича свет ещё горит, — говорил тот же Симанов, сапожничавший в долгие зимние вечера. — Неудобно нам раньше его кончать работу».

Нет в живых многих крестьян и крестьянок, что видели писателя в своих избах и в его доме, двери которого были раскрыты для них. Сын деревенского сапожника под старость попросился сторожем в чеховскую усадьбу. Михаил Прокофьевич Симанов помнит живого Антона Павловича, знает наизусть некоторые тексты и помогает директору музея Ю. А. Авдееву водить экскурсии по чеховским местам.

«Хорошо, если бы каждый из нас оставил после себя школу, колодезь или что-нибудь вроде, чтобы жизнь не проходила и не уходила в вечность, бесследно». Так говорил Чехов в одном из писем. И слово его не расходилось с делом. В Мелихове и в его окрестностях мы видим дело рук этого человека. Всё, что делал Чехов, он делал прочно, красиво, талантливо. Экскурсовод показывает школы в Мелихове, в Талеже, в Новосёлках. Они были построены в конце прошлого столетия по идее и плану Чехова, они были лучшими школами в Серпуховском уезде. А вот пруды, что были выкопаны по настоянию того же Чехова. Около одного пруда в Мелихове пожарный сарай, его строил он же. Обычно возле этого сарая собиралась крестьянская сходка. И обычно сходка не открывалась без Чехова.

«Голубого забора» между чеховским домом и деревней в Мелихове не было.

Как много успел сделать этот человек за шесть лет (1892—1898) своего жительства в деревне! Он украсил землю, на которой жил, парком, садом, цветником, и экскурсанты уносят отсюда охапки сирени и жасмина. А их много, экскурсантов: не зарастала и не зарастёт народная тропа в Мелихово. В благоговейной тишине проходят люди по комнатам чеховского дома, осматривают оставшиеся здесь реликвии, изучают затейливый, но разборчивый почерк писателя, видят памятник, воздвигнутый на усадьбе два года тому назад. Они узнают, что мелиховский колхоз — лучший в Лопасненском районе, Московской области. «Иначе и быть не может, — разъясняет Симанов. — У нас здесь жил Антон Павлович Чехов, а он был во всём примерный работник — и как доктор, и как строитель школ и больниц, и как садовод, и как писатель».

Из райцентра звонят в правление колхоза, напоминают председателю о явке на заседание чеховской юбилейной комиссии.

— Что это вы, Иван Григорьевич, сегодня оделись в военную форму? Всё военное — гимнастёрка, брюки, фуражка.

Высокий, моложавый, дочерна загоревший под летним солнцем председатель колхоза смотрит на вопрошающего искрящимися задорной улыбкой глазами:

— Сегодня — двадцать второе июня. В этот день началась мировая война. Вот я и надел форму. Она и память о прошлом и предупреждение: не забывай о новых поджигателях! Еду на чеховскую комиссию, а юбилей нашего земляка, как вы знаете, нынче отмечают все люди, борющиеся за мир, все борцы с войной. Ясно?

Дорога из Мелихова в Лопасню отмечена многими приметами нового, коммунистического века в русской деревне. Любовными руками возделаны поля, пшеница появилась там, где росла только рожь, идут глубокой бороздой тракторы, проносятся автомобили, то и дело мелькают новые колхозные постройки, из пионерского лагеря доносится звук горна, рабочие чинят дорогу из Мелихова в Лопасню, гудят над дорогой телеграфные и телефонные провода, к выросшему чеховскому лесу примыкают новые лесные посадки. И кажется, что вот-вот выйдет из описанной им рожицы человек, образ которого знает вся страна, подойдёт к колхозникам, трактористам, солдатам, пионерам и скажет им:

— Правильно вы живёте, друзья!

И. РЯБОВ

Рисунок художников КУКРЫНИКСЫ к рассказу «Ионыч».

Рисунок художника С. БОЙМА к рассказу «Унтер Пришибеев».